

**РЕЧЕВАЯ МИМИКРИЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ИГРА:
ГЕШТАЛЬТ-АНАЛИЗ**

Работа посвящена явлению речевой мимикрии в художественном диалоге. Термин «мимикрия» берет начало в биологии и используется в статье как специфический способ приспособления и моделирования речи в соответствии с желанием говорящего создать определенный имидж в глазах собеседника для реализации собственной коммуникативной цели. Автор доказывает, что гештальт-подход к реальному и виртуальному диалогу дает объективную возможность узнать мимиков в процессе речевой интеракции.

Ключевые слова: гештальт-подход, речевая мимикрия, диалог, коммуникативная цель, социальный слой.

Морозова І. Б. Мовленнєва мімікрія як комунікативна гра: гештальт-аналіз. *Работа посвящена дослідженню феномена мовленнєвої мімікрії в художньому діалозі. Термін «мімікрія» бере початок у біології та використовується в статті як специфічний спосіб пристосування та моделювання мовлення згідно з бажанням мовця створити певний імідж в очах співрозмовника задля реалізації власної комунікативної мети. Автор доводить, що гештальт-підхід до реального та віртуального діалогу дає об'єктивну можливість впізнати мімікіє у процесі мовленнєвої інтеракції.*

Ключові слова: гештальт-підхід, мовленнєва мімікрія, діалог, комунікативна мета, соціальна верства.

Morozova I. Speech mimicry as a communicative game: Gestalt-analysis. *The work is dedicated to the phenomenon of speech mimicry in the literary dialogue. The term 'mimicry' falls back to biology and is used in the article as a specific way adjusting and modelling one's speech in accordance with the speaker's wish to create a certain image in the eyes of their interlocutor for the purpose of pursuing his/her communicative goal. The author argues that the Gestalt-approach to the real and virtual dialogue gives objective clues for unmasking the mimics in the process of speech interaction.*

Key words: Gestalt-approach, speech mimicry, dialogue, communicative goal, social stratum.

Стремительное развитие современной лингвистики предполагает переход ее как науки на новый уровень практического осмысления накопленного опыта и, соответственно, применения теоретических результатов на практике. Концепции о возможности синтаксического структурирования и моделирования речи в зависимости от целеустановки коммуниканта получили то или иное освещение в трудах исследователей диалогической (Д.И. Изаренков, 1979; А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин, 1992; И.П. Тарасова, 1992; А.А. Леонтьев, 2003) и монологической речи (S.P. Corder, 1983; А.Н. Баранов, 1990).

Настоящая работа посвящена насущной проблеме выявления вербальных путей оптимизации речевой коммуникации и повышения эффективности речевого воздействия. Понятие речевого воздействия вошло в науку в начале 70-х прошлого века, появившись в сборнике статей «Речевое воздействие: проблемы прикладной социолингвистики» [14], и послужило основой для формирования новой, интегральной науки теории

речевого воздействия как учения об эффективном общении, предложенного И. А. Стерниным в 1990 г. в его работе «Планы семинарских занятий и методические указания по курсам *Культура политического общения, Ораторское мастерство и культура речи, Речевое воздействие*» и конкретизированного автором в его последующих публикациях [15; 16].

В современной лингвистике речевое воздействие традиционно понимается как влияние на собеседника в процессе общения для достижения говорящим своей коммуникативной цели. «Изучение правил и приемов эффективного речевого воздействия и популяризация этих сведений – важнейшая задача сегодняшнего дня» [16, 3].

В настоящее время «борьбы умов» и «информационного противостояния» проблема речевого воздействия приобретает особое значение. Процесс диалогизирования, с одной стороны, является видом социального взаимодействия индивидов, а с другой, – представляет собой мощное орудие воздействия на сознание и поведение людей. Очевидно, что практическое применение законов речевого воздействия дает ключ к последующему прогнозированию результатов речевого общения как такового. По справедливому утверждению исследователей в области нейролингвистического программирования, мозг любого человека можно запрограммировать подобно компьютеру, а потом «разложить человеческое поведение по полочкам до самой потайной мысли» [2, 33]. Иными словами, при помощи особых ментально-коммуникативных техник можно воздействовать на подсознание людей так, чтобы успешно реализовать в процессе беседы свое коммуникативное задание. В свое время, в 1973 году основатели НЛП американцы Р. Бендлер и Дж. Гриндер, пытались открыть «код эффективного общения», опубликовав свою первую в этой области книгу «Структура магии» (1974) [18]. Отдавая должное их разработкам, отметим, что ученые основное внимание уделяли жесткой связи между жестами и мимикой человека и структурой его речи, практически не рассматривая различных путей вербализации сообщения.

В представленной работе ставится *цель* воссоздания личностного речевого гештальта собеседника с выделением в нем доминанты и использования смещения ее вектора для оптимизации речевого воздействия. В настоящее время в ключе гештальт-теории работают такие известные исследователи как Д. Хэффлер (1998), Ф. Перлз и П. Гудмэн (2001), А. Рамат (2002), Ирвин и Мириам Польстер (2004), Дж. Скилтерс (2007) и др. Заметим, что и Р. Бендлер с Дж. Гриндером взрастили свою «коммуникативную магию» в рамках гештальт-подхода. Осознавая сложность и лингвистическую многофакторность фигуры гештальта речевой личности, а также ограничиваясь формальными рамками статьи, в своем исследовании мы рассмотрим только синтаксические характеристики речи собеседников, определяющие их как языковые личности.

Будучи отражением сложной системы структур сознания, диалог является неотъемлемой частью человеческой деятельности, что определяет тот факт, что многие моменты его функционирования находят свою адекватную интерпретацию лишь при учете социальной детерминированности

анализируемого лингвистического материала. Исходной концепцией работы послужило положение о существовании языкового варьирования в рамках одного общества и одной культуры, которые зависят от конкретных речевых ситуаций, отношений между говорящим и слушающим, от классовых различий и т.д.» [19, 52; 7, 206]. Для упрощения задачи исследования в качестве **объекта** рассмотрения взят современный англоязычный художественный диалог. **Предмет** исследования – синтаксис персонажной речи. Несмотря на некоторую «искусственность» персонажного общения, в художественном диалоге также, как и в непосредственном речевом общении, легко просматриваются личности участников диалога. Как показывают исследования по социальной психологии и социолингвистике, языковая личность производна от социальной сферы, в которой преломляются многочисленные и противоречивые классово-имущественные, профессионально-групповые, возрастные, этнические и прочие отношения [7; 17; 21; 24; 25].

Очевидно, чтобы диалог героев мог быть адекватно воспринят читателем, персонажи должны использовать языковые конструкции, типичные для представителей тех социальных кругов, воплощением которых они являются в произведении.

Как известно, в процессе диалогического речевого общения собеседники обмениваются сообщениями, которые на уровне языка закодированы в предложениях. При этом, предложение как продукт человеческого сознания и его отражение на вербальном уровне представляет собой результат когнитивной деятельности не усредненного человека вообще, а конкретной узнаваемой социально-детерминированной человеческой личности [9].

Социальный статус носителя языка влияет на речевое поведение индивидуума и во многом предопределяет выбор тех или иных коммуникативных речевых форм. В процессе общения пользователь языка употребляет такие языковые стереотипы, которые органичны его мировоззрению, и являются отражением его общественного положения. В этой связи особое значение приобретают понятия микро- и макросоциальной среды.

С точки зрения социолингвистики, наиболее важна именно последняя, макросоциальная среда, которая предопределяет самое резкое речевое расхождение между представителями определенных кругов. Выделяя вместе с американским исследователем У. Лл. Уорнером [22] в англоязычном языковом обществе три основных социальных группы: «элиту», «средние слои» и «люмпены», в своих исследованиях мы установили, что выбор определенной синтаксической формы кодирования высказывания в диалоге не является исключительно личностным выбором говорящего. Преференции определенных, далеко не всегда осознаваемых альтернатив, вырабатываются языковой личностью на подсознательном уровне и детерминируются ее принадлежностью к определенной социальной среде [6; 7; 10].

С другой стороны, поскольку человек представляет собой существо творческого мышления, естественно ожидать от него проявления творчества в такой области, с которой тесно связано его сознание, т.е. в речевой деятельности. Следовательно, логично предполагать, что пользователь

языка может сознательно и намеренно менять модель своего речевого поведения, употребляя языковые стереотипы, отличные от его собственного мировоззрения.

Рабочей гипотезой исследования послужила посылка о возможности изменения личностного речевого гештальта говорящего с целью оптимизации процесса коммуникации.

Как утверждает философия, «основным критерием истины является практика» [4, 43], а значит, любая объективная наука требует практической проверки своих теоретических умозаключений. Для доказательства наших теоретических размышлений на практике, в качестве фактического материала исследования методом сплошной выборки было отобрано 600 диалогов из современного англоязычного романа (3915 усредненных страниц).

На следующем этапе анализа персонажи художественных произведений были по аналогии с социальной моделью общества [22] условно разделены на три группы: «элита»; «средние слои» и «люмпены» для последующего воссоздания их типичных речевых гештальтов. Объективность количественного сопоставления достигнута путем отбора корпусов первого порядка по 2000 речевых образцов каждый в пределах каждой социальной страты (достоверность результатов подтверждена вычислением относительной ошибки).

Напомним критерии используемой в работе социальной стратификации общества. «Элита» (от франц. *elite* – избранный) в широком значении – лучшая часть любой социальной, этнической или профессиональной группы. Этот термин используется нами в узком смысле и подразумевает группу людей с высшим образованием, занимающую ведущее положение в различных сферах человеческой деятельности (аристократия, священники, представители высших слоев общества типа солидных бизнесменов, юристов, учителей, и другие люди с высшим образованием).

К «люмпенам», в свою очередь, относим деклассированных, опустившихся элементов и представителей «социального дна», имеющих низкий уровень образования или не имеющих такового вовсе (чистильщик обуви, торговец зеленью, безграмотная служанка и т.п.).

Между указанными выше социальными оппозициями существует определенная прослойка, которая тяготеет либо к «элите», либо, наоборот, к «люмпенам», в зависимости от условий своего существования. Представители данной группы причисляются к так называемым «средним слоям» (рабочие, фермеры, мелкие клерки и т.д.).

В 1912 году немецкий психолог Макс Вертгеймер сделал открытие о том, что любому образу мира, неважно, простому или сложному, сознание способно поставить в соответствие целостный феномен, называемый гештальтом этого образа [23, 278].

Разделяя мнение А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, мы считаем, что среди факторов, производящих умственный образ, решающая роль принадлежит языку [13, 237]. Еще Э. Бенвенист указывал на параллелизм структурной лингвистики и гештальт-психологии [1, 129], однако только Дж. Лакофф в своей работе «Лингвистические гештальты» рассмотрел воз-

возможности использования гештальт-анализа в практике лингвистических исследований, утверждая, что «... мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность организованы при помощи одних и тех же структур, которые называются гештальтами. ... Гештальты являются одновременно целостными и доступными анализу» [3, 359]. В ряде своих работ, мы также обосновывали познавательную ценность гештальт-анализа [8; 11; 12; 21] и в данной статье постараемся продемонстрировать эффективность его практического использования.

В соответствии с теорией относительности, вселенная имеет три пространственных измерения и одно временное. Все, что бы человек ни воспринимал, неизменно предстает перед ним в виде целостных образов. К основным свойствам восприятия, как известно, относятся предметность, целостность, константность и структурность [5, 75]. Отсюда, и физическая различимость гештальтов, и их ассоциативная связь органично воспринимаются человеческим сознанием, которое традиционно оперирует объемными, трехмерными образами. Формирование «фигуры гештальта» – это динамический процесс, в ходе которого подвергаются последовательному анализу специфические проявления особенностей исследуемого феномена и вычленяется так называемая «важность», или «прегнантность» гештальта. Последней принято считать иерархическое распределение доминантного свойства в фигуре гештальта. Каждый гештальт центрирован, и его центр определяется смещением прегнантности гештальта. Векторное смещение центра гештальта свидетельствует о существенных изменениях в его фигуре, и, следовательно, в восприятии данного гештальта как концепта.

Исследовать гештальт-целостность посредством гештальт-проекций в разных аспектах рассмотрения предлагал также немецкий философ Христиан фон Эренфельс (так называемые «круги Эренфельса») [27, 487]. Взяв в качестве синтаксических критериев структурную сложность и линейную протяженность предложения, в работе были воссозданы три типа гештальт-проекций персонажных реплик в англоязычном диалоге. Используя «круги Эренфельса» на практике в наших исследованиях в качестве одного из способов объективации лингвистических гештальтов, обозначим ареал использования различных структурно-синтаксических типов предложений в пределах каждого из выделенных социолингвистических корпусов как поле проекций в виде круга с центром S и обозначим на осях, следующих из центра и принятых за 100 %, соответствующую частотность употребления в них основных структурно-синтаксических типов предложений (SiSe – простые предложения; CoSe – осложненные предложения; ComSe – сложные предложения) (см. рис. 1). Подчеркнем, что, вне зависимости от порядка наименования осей в обозначенном ареале, структурная доминанта гештальт-проекций объектов анализа на структурную вариативность синтаксических конструкций будет неизменна ввиду того, то она иконически отражает количественное распределение частотности употребления структурно-синтаксических типов предложений говорящими внутри каждого социолингвистического корпуса.

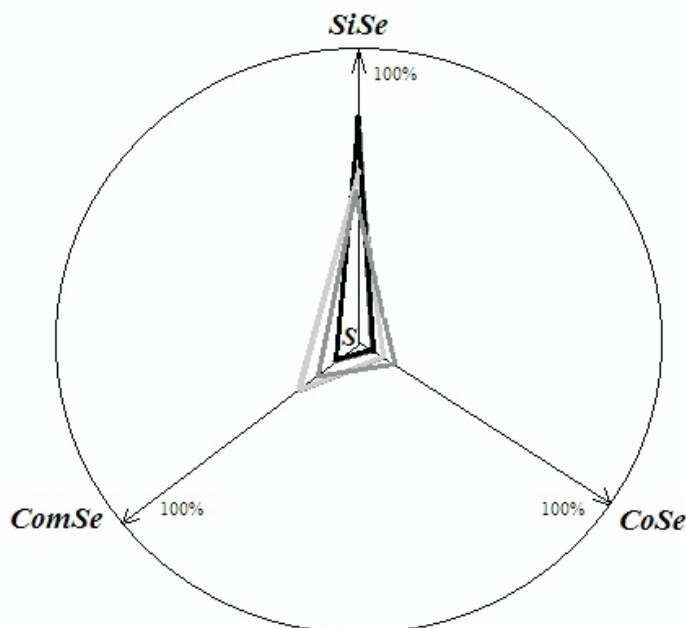


Рис. 1. Гештальт-проекция социолингвистических корпусов на структурную вариативность синтаксических конструкций, где:

- «Элита»: SiSe – 56,5%; CoSe – 20%; ComSe – 23,5%;
- «Средние слои»: SiSe – 60%; CoSe – 12,5%; ComSe – 27,5%;
- «Люмпены»: SiSe – 78%; CoSe – 9%; ComSe – 13%;

Нетрудно заметить, что хотя гештальт-центр в гештальт-проекциях всех социолингвистических корпусов смещен в сторону простых предложений, прегнантность структурно-синтаксических гештальтов каждого из корпусов по отношению друг к другу различна. Так, у «элиты» она смещается к синтаксически осложненным построениям, в то время как у «люмпенов» – к синтаксически простым конструкциям, а у «средних слоев» – к сложным, т.е. сложносочиненным и сложноподчиненным предложениям. Таким образом, персонажные личности, обладающие должным уровнем образования и определенным социальным статусом, предпочитают в диалоге синтаксически сложные конструкции, а люди, относящиеся к «социальному дну», используют в своей речи преимущественно элементарные коммуникативные единицы.

В процессе исследования, однако, засвидетельствованы 185 речевых образцов, нетипичных для своей социальной группы по синтаксической организации и коммуникативному содержанию. Отметим, что чаще всего они принадлежали персонажам, задействованным в сфере обслуживания: горничной, продавцу, парикмахеру, официантке и т.п. Воссоздание их речевого гештальта затрудняется вариативностью синтаксической организации речи говорящих в зависимости от обстоятельств. Так, горничная Бетти, говоря

со своим братом, употребляет в своей речи конструкции, типичные для «люмпенов», а, беседуя с его барышней, наоборот, использует сложные синтаксические конструкции, характерные для ее госпожи-миллионерши. Например: 1) *“You! Arsehole! How more shall I wait? Just raise your... and do it!”* (J. Linneth) – кричит она парню. Ее реплики – это предложения синтаксически простые, линейно короткие и откровенно безграмотные. 2) *“Well, my girl, I’d like to have a closer look at you and, pray, be seated. My head is just killing me because of the high sun today, I think.”* (J. Linneth). Желая произвести впечатление на девушку своей образованностью, Бетти употребляет синтаксически сложные, линейно длинные предложения и высокопарную лексику, чем вызывает возмущение брата, который раздраженно одергивает ее: *“Stop playing a lady, Bets!”* (J. Linneth).

Отдельные случаи приближения речи говорящего к уровню восприятия ее собеседником обнаружены и у представителей «элиты». Например:

“Figure, you gotta us scared?” Sir Walter addressed the gorilla-like sailor. *“Don’t take him seriously, my lady.”* (D. Townberg).

В приведенном примере аристократ обращается к пьяному матросу на «его языке», умышленно приближая свою речь к речи низов.

Такое осознанное или неосознанное уподобление говорящим собственной речи коммуникативным моделям близким собеседнику и отличным от привычных для него самого, мы называем **речевой мимикрией** (англ. *mimicry* – подражательность) [9]. Говорящих, прибегающих к речевой мимикрии, предлагаем называть **мимиками**. Заметим, что речевая мимикрия может быть не только социальной, но и гендерной либо возрастной. Термин «мимикрия» заимствован нами из биологической науки, где он понимается как «покровительственная (защитная) окраска и форма» [26]. Это природное свойство является полезным для жизни, так как сходство по цвету или по форме некоторых животных или растений (либо отдельных органов растений) с другими животными или растениями либо предметами окружающей среды помогает выживанию организмов. Что же в таком случае служит причиной возникновения речевой мимикрии? Мы полагаем, что ее возникновение мотивировано, прежде всего, стремлением собеседника быть понятым его речевым партнером, и, следовательно, способствует достижению конечной коммуникативной интенции говорящего. На первый взгляд, такое объяснение «работает» только в примере с сэром Уолтером, который говорит с матросами, а в случае с Бетти речевая мимикрия будто выполняет иную коммуникативную задачу, только отдаляя социально близких девушек друг от друга и отнюдь не способствуя общению.

Вместе с тем, истинный смысл речевой мимикрии Бетти раскрывается, если принять во внимание весь смысл ситуации общения, представленной читателю. Бетти не стремится к сотрудничеству. Ее конечной коммуникативной интенцией в первой беседе с девушкой брата является установление главенствующей, доминирующей позиции в общении и в дальнейшем отношений, подчинения новой знакомой собственной воле, что Бетти усматривает возможным в параметрах социального лидерства. Не имея шансов управлять девушкой с позиций реального материального или интел-

лектуального превосходства, она прибегает к речевому подражанию людей из «высшего света». За счет речевой мимики Бетти показывает, что она выше по своему положению и, следовательно, может требовать к себе особого отношения.

Таким образом, речевая мимикрия подобно гриму преобразует говорящего и служит для него «фальшивым паспортом», обеспечивая ему абсолютно новую виртуальную личину и гарантируя пропуск в новый мир, реальный (как в случае с матросами) или воображаемый говорящим (как в случае с Бетти, которая становится миллионершей в собственных глазах). В зависимости от вектора речевой мимики, т.е. стремления говорящего к уподоблению высшей или низшей социальной страте по отношению к его собственной, различаем регрессивную («элита» → «люмпены») и прогрессивную («люмпены» → «элита») речевую мимику, соответственно.

Как показывает анализ, речевая мимикрия является разновидностью социальной мимики как вида психологической защиты (подробнее о социальной мимике в [20]), однако она значительно шире желаний соответствовать окружающим рамкам; это способ расслабления собеседника, завоевания его доверия, расположения к себе или, наоборот, откровенного подавления его «эго» с помощью целого набора языковых средств, «пародирующих» принадлежность говорящего к доминантному психологическому или социальному типу», причем в обеих ситуациях результатом речевой мимики становится психологическое манипулирование и/или достижение собственного психологического комфорта. Таким образом, выделяем два основных типа вербального воздействия, реализуемых с помощью речевой мимики: мягкая суггестия в условиях выбора одного речевого кода с собеседником и откровенная манипуляция при «пародировании» речевых характеристик, намеренно противоположных таковым другого участника (либо участников) коммуникативного процесса. В первом случае мы наблюдаем ситуацию коммуникативного эквилибриума с собеседником и речевую мимику считаем гармонизирующей общую речевую ситуацию. Во втором случае, где имеет место умышленное нарушение коммуникативного равновесия, речевую мимику находим дисгармонизирующей.

В процессе анализа выявлено, что наиболее частотной является именно гармонизирующая речевая мимикрия, к которой собеседники прибегают, под влиянием осознанного или инстинктивного желания перебросить «коммуникативный мостик» между собой и собеседником, «подыграть» партнеру по коммуникации, показать, говоря словами пантеры Багиры из «Маугли», что «мы с тобой одной крови».

Дисгармонизирующая речевая мимикрия, или искусственное речевое отдаление от собеседника, встречается в полтора раза реже, что мы объясняем ее противоречивостью самой сути человеческого общения как языкового взаимодействия.

В соответствии со сказанным выше, речевой гештальт персонажа-мика, не имеет настолько строго выраженной прегнантности, характерной для его социолекта. Социолингвистическая гештальт-фигура такого коммуниканта также выглядит расплывчато и представляет собой «плавающий»

образ, *intermedium* между гештальт-фигурами речевых корпусов «элиты», «люмпенов» и «средних слоев» (в том числе, и в параметрах уже обозначенных структурно-синтаксических гештальт-проекций персонажной речи). Так возможно ли «сорвать маски» с самозванцев хотя бы в рамках художественных произведений или большинство из них достигают такого мастерства в речевой мимикрии, что полностью сливаются с нужным им социолектом? Заинтересовавшись данной проблемой, автор статьи провела дополнительное исследование структурно-синтаксических показателей речи мимиков и получила следующие результаты.

Основным маркером истинной принадлежности коммуниканта к тому или иному социальному слою с точки зрения структурной сложности употребляемых им конструкций являются линейная длина и синтаксическая осложненность предложений в его речи. Первая разительно увеличивается вместе с возрастанием социального статуса говорящего и служит основным предметом подражания как при регрессивной, так и при прогрессивной мимикрии. Осознанно или подсознательно, мимики из «люмпенов», выдающие себя за представителей «элиты», воспроизводят конструкции несвойственной им повышенной линейной длины, а «элита», наоборот, старается использовать линейно-короткие предложения. Однако именно синтаксическая осложненность употребляемых обоими социальными стратами предложений проливает свет на их реальную общественную принадлежность.

Так, истинные представители «элиты» отдают предпочтение конструкциям со вторичной структурой предикации, которые превышают количество полипредикатных построений, а представители низших классов, желая выдать себя за аристократов стремятся к употреблению сложных, в особенности, сложносочиненных конструкций. Аналогичные процессы происходят и в том случае, когда представители «элиты» «маскируются» под «люмпенов». Употребляя известную им просторечную лексику, они стремятся сократить линейную протяженность своих предложений и, таким образом, приблизиться к представителям «необразованных низов». Вместе с тем, в отличие от реальных «деклассированных элементов», склонных к синтаксически простым построениям, высокообразованные коммуниканты достигают сокращения линейной длины предложений за счет их глубинного синтаксического усложнения, построения сложных комплексных конструкций, несвойственных истинным представителям «люмпенов». Например: *“Look here, yer lucky dog! Now that I know of your doing all that stuff, I am in business”* (D. Newhouse). Желая войти в компанию уличных парней, студент Люк нарочно искажает свою речь (*yer*), но на подсознательном уровне прибегает к герундиальному комплексу *your doing all that stuff*.

Исследование структурно-синтаксических характеристик речи мимиков позволяет говорить о синтаксическом усложнении, впрочем, не только как об основном предмете речевой социальной мимикрии, но и как о показателе уровня сложности ментальных процессов, протекающих в человеческом сознании. Соответственно, глубинные синтаксические структуры скрытой предикации соотносятся с наиболее глубинными, скрытыми структурами мыслительной деятельности человека, активизирующимися вследствие

высокоразвитого интеллекта, который обладает способностью кодировать сложные процессы в синтаксических конструкциях, воспринимаемых слушателем как поверхностно-простые. Таким образом, структуры вторичной предикации отражают способность сознания к дуальному восприятию окружающей действительности, репрезентируя результаты когнитивной деятельности человека в виде соответствующих двухуровневых лингвальных форм.

Сравнение результатов данного анализа с таковыми нашего исследования прегнантности структурно-синтаксических гештальтов трех различных социолингвистических корпусов относительно друг друга, приведенного выше, приводит к следующему убедительному выводу. Именно эта «относительная» гештальт-прегнантность социолингвистических корпусов выявляет основные внутренние структурно-синтаксические различия между тремя основными социальными стратами. Отсюда, можно утверждать, что компаративное изучение прегнантности гештальт-фигур различных объектов в целом позволяет выделить их концептуальную сущность – константно-неизменное, глубинное ядро, определяющее их основные свойства и качества.

Итак, как показывает наше исследование, мимикрия в речи является особым видом маски, речевой игры, которая, как всякая игра, условна и искусственна. Речевой гештальт говорящего, определяясь целым набором характеристик, так или иначе, обязательно «выдаст» коммуниканта-мимика. Заметим, что «подстраивание» под собеседника разрушает личностное своеобразие говорящего, и, в конечном счете, может привести к конфликту с самоидентификацией человека и его внутренним «я», с одной стороны, и быть на инстинктивном уровне не принятым собеседником, – с другой. В то же время, существует достаточно высокая вероятность реализации своей речевой интенции при условии правильной речевой маскировки и фактора доверия со стороны собеседника. Большой коммуникативный и, возможно, не только коммуникативный выигрыш, или разоблачение и – проигрыш. Возможно, в этом и есть притягательность речевой мимикрии?

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Гаврилов Д. А. Нейролингвистическое программирование (НЛП) для всех / Д. А. Гаврилов, Н. А. Добринина. – Москва : Вече, 2009. – 365 с. – (Домашний психолог).
3. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – 1981. – № 10 – С. 350 – 368.
4. Логвиненко В. М. Філософія : Навчально-методичний посібник для ад'юнктів, аспірантів та здобувачів / В. М. Логвиненко, М. Я. Фльорко. – Львів : Видавництво ЛДУ БЖД, 2012. – 228 с.
5. Маклаков А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков. – СПб: Питер, 2001. – 592 с.
6. Морозова И. Б. Частотність різних типів конструкцій у мовленні персонажів як індикатор їх соціальної і статевовікової приналежності / І. Б. Морозова // Записки із загальної лінгвістики : [зб. наук. праць]. – Одеса : Астропринт, 2001. – Вип. № 3.– С. 96-101.
7. Морозова И. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : монографія / І. Б. Морозова. – Одеса : Друкарський дім, 2009. – 384 с.
8. Морозова И. Б. Практика применения гештальт-анализа в лингвистических исследо-

- ваниях / И. Б. Морозова // Методи лінгвістичних досліджень : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. – Слов'янськ : СДПУ, 2010. – С.129-135.
9. Морозова И. Б. Явление речевой мимикрии в английском художественном диалоге / И. Б. Морозова // Науковий вісник Чернівецького університету : зб. наук. праць / наук. ред. Левицький В. В. – Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2011. – Вип. 551-552 : Германська філологія. – С. 115-127.
 10. Морозова И. Б. Речевое поведение персонажной личности сквозь призму ее социальной принадлежности (на материале современного английского романа) / И. Б. Морозова // Наукові записки. Серія «Філологічна». – Острог: Вид-во Національного університету «Острозька академія». – Вип. 26. – 2012. – С. 224 – 229.
 11. Морозова И. Б. Структурирование ментальных образов в виде гештальт-моделей / И. Б. Морозова // Новое в современной филологии : Материалы VIII Междунар. научно-практич. конференции (20.12.2012). – М.: Издательство «Спутник+», 2012. – С. 108 – 112.
 12. Морозова И. Б. Гештальт-практика в когнитивной парадигме лингвистических исследований / И. Б. Морозова // Науковий вісник Чернівецького університету : зб. наук. праць / наук. ред. Левицький В. В. – Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2013. – Вип. 667 : Германська філологія. – С. 187 – 193.
 13. Петровский А. В. Основы теоретической психологии / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – М.: ИНФРА. – М., 1998. – 528 с.
 14. Речевое воздействие : проблемы прикладной психолингвистики : сб. ст. / отв. ред. А. А. Леонтьев ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1972. – 144 с.
 15. Стернин И. А. Речевое воздействие как наука / И. А. Стернин // Проблемы развития общей культуры курсантов в процессе обучения. – Воронеж, 1993. – С. 36 – 39.
 16. Стернин И. А. Основы речевого воздействия: [учеб.издание] / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2009. – 178 с.
 17. Angouri J. Constructing Identities at Work / J. Angouri, M. Marra. – Palgrave Macmillan, 2012. – 264 p.
 18. Bandler R. The Structure of Magic : Vol. 1 : A Book About Language and Therapy / R. Bandler, J. Grinder. – NY : Science and Behaviour Books, 2005. – 225 p.
 19. Fischer J. L. Social influences on the choice of a linguistic variant / J. L. Fischer // Word, 1999. – 14. – P. 47 – 56.
 20. Freedman M. B. Social Change and Personality / M. B. Freedman. – Springer Science and Business Media, 2012. – 231 p.
 21. Morozova I. Gestalt Analysis as a Means of Language Personality Identification / Iryna Morozova, Olena Pozharytska. – Language and Identity: University of the West of England. – Bristol, United Kingdom, 18-20 April 2013. – P. 161-162.
 22. Warner W. L. Social Class in America, The Evaluation of Status, a Manual of Procedure for the Measurement of Social Status / W. L. Warner– N. Y.: Harper Collins, 1969. – 276 p.
 23. Wertheimer M. The Syllogism and Productive Thinking / M. Wertheimer // The Gestalt Journal Press. – New York, 1997. – P. 274-282.
 24. Wodak R. Critical discourse analysis / R. Wodak // The Routledge companion to English studies. – London: Routledge, 2014. – P. 302 – 317.
 25. Woodward K. Understanding Identity / Kath Woodward. – London : Hodder Arnold, Bloomsbury Academic, 2003. – 256 p.
 26. Словарь иностранных слов : Интернет-ресурс. – Режим доступа: mirslovarei.com/content_soc/mimikrija-199.html
 27. Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост.: Губский Е.Ф. и др.] – М.: Инфра, 2003. – 576 с.

REFERENCES

1. Benvenist, Je. (1974). *Obshhaja lingvistika*. М.: Progress.
2. Gavrilov, D. A., Dobrina, N.A. (2009). *Nejrolingvisticheskoe programmirovanie (NLP) dlja vseh*. Moskva : Veche.
3. Lakoff, Dzh. (1981). *Lingvisticheskie geshtal'ty. Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. (10), 350 – 368.

4. Logvinenko, V. M., Florko, M. Ja. (2012). *Filosofija: Navchal'no-metodichnij posibnik dlja ad'junktiv, aspirantiv ta zdobuvachiv*. L'viv: Vidavnistvo LDU BZhd.
5. Maklakov, A. G. (2001). *Obshhaja psihologija*. SPb: Piter.
6. Morozova, I. B. (2001). Chastotnist' riznih tipiv konstrukcij u movlenni personazhiv jak indikator jih social'noi i statevovikovoï prinalezhnosti. *Zapiski iz zagal'noi lingvistiki*. (3), 96-101.
7. Morozova, I. B. (2009). *Paradigmaticnij analiz strukturi i semantiki elementarnih komunikativnih odinic' u svitli geshtal't-teorii v suchasnij anglijs'kij movi : monografija*. Odesa: Drukars'kij dim.
8. Morozova, I. B. (2010). *Praktika primenenija geshtal't-analiza v lingvisticheskikh issledovanijah. Metodi lingvistichnih doslidzhen': materiali Mizhnarodnoi naukovopraktichnoi konferencii*. Slov'jans'k: SDPU, 129-135.
9. Morozova, I. B. (2011). *Javlenie rechevoj mimikrii v anglijskom hudozhestvennom dialoge*. *Naukovij visnik Chernivec'kogo universitetu : zb. nauk. prac'*. (551-552), 115-127.
10. Morozova, I. B. (2012). *Rechevoe povedenie personazhnoj lichnosti skvoz' prizmu ee social'noj prinalezhnosti (na materiale sovremenogo anglijskogo romana)*. *Naukovi zapiski. Serija «Filologichna»*. (Vip. 26), 224 – 229.
11. Morozova, I. B. (2012). *Strukturirovanie mental'nyh obrazov v vide geshtal't-modelej. Novoe v sovremennoj filologii : Materialy VIII Mezhdunar. nauchno-praktich. Konferencii*. M.: Izdatel'stvo «Sputnik+», 108 – 112.
12. Morozova, I. B. (2013). *Geshtal't-praktika v kognitivnoj paradigme lingvisticheskikh issledovanij*. *Naukovij visnik Chernivec'kogo universitetu: zb. nauk. prac'* (667), 187 – 193.
13. Petrovskij, A. V., Jaroshevskij, M.G. (1998). *Osnovy teoreticheskoi psihologii*. M.: INFRA.
14. *Rechevoe vozdejstvie: problemy prikladnoj psiholingvistiki: sb. st. (1972)*. M. : Nauka.
15. Sternin, I. A. (1993). *Rechevoe vozdejstvie kak nauka*. In *Problemy razvitija obshej kul'tury kursantov v processe obuchenija*. (36-39). Voronezh.
16. Sternin, I. A. (2009). *Osnovy rechevogo vozdejstvija*. Voronezh: Istoki.
17. Angouri, J., Marra. (2012). *Constructing Identities at Work*. Palgrave Macmillan.
18. Bandler, R., Grinder J. (2005). *The Structure of Magic. A Book About Language and Therapy*. NY: Science and Behaviour Books.
19. Fischer, J. L. (1999). *Social influences on the choice of a linguistic variant*. *Word*. (14), 47 – 56.
20. Freedman, M. B. (2012). *Social Change and Personality*. Springer Science and Business Media.
21. Morozova, I., Pozharytska, O. (2013). *Gestalt Analysis as a Means of Language Personality Identification*. *Language and Identity: University of the West of England*. Bristol, United Kingdom, 161-162.
22. Warner, W. L. (1969). *Social Class in America, The Evaluation of Status, a Manual of Procedure for the Measurement of Social Status*. N. Y.: Harper Collins.
23. Wertheimer, M. (1997). *The Syllogism and Productive Thinking*. In the *Gestalt Journal Press*. New York, 274-282.
24. Wodak, R. (2014). *Critical discourse analysis*. In the *Routledge companion to English studies*. London: Routledge, 302 – 317.
25. Woodward, K. (2003). *Understanding Identity*. London: Hodder Arnold, Bloomsbury Academic.
26. *Slovar' inostrannyh slov: Internet-resurs. – Rezhim dostupa: mirslovarei.com/content_soc/mimikrija-199.html*
27. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* (2003). M.: Infra.

Стаття надійшла до редакції 14.03.2015 р.